

4.3. ИНТЕРВЬЮ С В. А. ГУРУЖАПОВЫМ*

*Виктор Александрович
ГУРУЖАПОВ*

Доктор психологических наук, профессор.

Заведующий кафедрой педагогической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Специалист в области теории и практики развивающего обучения, психологии искусства и музейной педагогики, проектирования и экспертизы образовательных систем.

Руководитель магистерских программ «Психология и педагогика воспитания учащихся» (реализуется МГППУ совместно с Первым Римским университетом) и «Психология и педагогика индивидуализации образования младших школьников».

– *Расскажите, Виктор Александрович, как Вы познакомились с Василием Васильевичем Давыдовым?*

– Сначала я познакомился с Давыдовым заочно. Начало моей истории относится к 1974 году, когда я в Улан-Удэ начал эксперимент по апробации программы развивающего обучения по изобразительному искусству для младших школьников. Автором программы был мой учитель – Юрий Александрович Полуянов, который незадолго до этого, в 1973 году, пришел в лабораторию В. В. Давыдова и начал исследования проблем развивающего обучения младших школьников на занятиях изобразительным искусством. Он настоятельно посоветовал мне прочесть книгу Давыдова «Виды обобщения в обучении». Я ее читал и конспектировал полгода в местной библиотеке. А когда прочел, то понял, что изменился: стал смотреть на образование и вообще на общественные явления с точки зрения соотношения разумного и рассудочного начал в человеке. В 1976 году я поступил на психологический факультет МГУ и при-

* Интервьюеры – Сергей Неволько, Жанна Рахимова, Юлия Сивукова, Елена Шипилова, магистранты программы «Школьная психология» ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ехал в Москву. Тогда и познакомился с Василием Васильевичем лично. Одновременно с учебой стал помогать Ю. А. Полуянову в его работе в лаборатории.

– *Какие встречи, события, связанные с Давыдовым, были для Вас наиболее важными?*

– Есть два важных события, думаю, не только для меня, но для многих моих коллег. Первое – заседания Лаборатории психологии младших школьников, которые вел Василий Васильевич. Он в то время уже был директором НИИ общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (ныне Психологический институт Российской академии образования). И, тем не менее, регулярно проводил заседания лаборатории, на которых обсуждались проблемы развивающего обучения и вообще психологии деятельности. Он соответствовал своей книге – энергичный, напористый, блестящий полемист. Первое время все, что происходило на заседаниях, мне казалось «бестолковостью», через какое-то время вдруг наступало определенное прояснение. Он часто приглашал на обсуждение разных специалистов, даже тех, с кем расходился в теоретических взглядах на природу обучения и развития. Сейчас я понимаю, как мне повезло. Это был огромный интеллектуальный опыт.

Второе – это методологический семинар, который В.В. Давыдов организовал вместе с Владимиром Петровичем Зинченко в институте. Большая аудитория на Моховой была забита, люди сидели на ступеньках. Представляете, кто там выступал! Эвальд Васильевич Ильенков, Мераб Константинович Мамардашвили, Владимир Соломонович Библер, Владислав Александрович Лекторский, Георгий Петрович Щедровицкий, Феликс Трофимович Михайлов, Лев Николаевич Гумилев. Выступали многие известные ученые, деятели искусства и культуры – всех я сейчас с ходу и не вспомню. Ну, конечно, и Владимир Петрович Зинченко, и Василий Васильевич Давыдов. Никогда больше мне не приходилось участвовать в подобных интеллектуальных пиршествах.

Там я узнал Василия Васильевича как мастера пауз и интонаций. Знаете, это было что-то! Я был занудой в те времена (*смеется*), сейчас уже не зануда. Не знаю, хорошо это или плохо? Может, надо было оставаться занудой. Я умел конспектировать лекции и доклады почти дословно, очень быстро умел писать. Это была не стенография, а вот так, просто быстро писал... Доклад Василия Васильевича произвел на меня просто колоссальное впечатление, столько новых смыслов для меня открылось. Пришел домой вечером, чи-

таю, чувствую: это мне знакомо, где-то это было уже написано, в разных местах. Я был потрясен. Поделился этим с Генриеттой Глебовной Микулиной, соавтором Давыдова в разработке курса математики в развивающем обучении. Она говорит: «Витя, я уже не первый раз это замечаю, через интонацию Василий Васильевич проникает в какие-то новые смыслы, произнося ту же самую фразу».

В этом плане он, естественно, был не просто ученый, не просто оратор, он был, конечно, артист. Вы знаете: чем больше артист, тем длиннее пауза. Василий Васильевич умел держать паузу. Скажет, задумается, а в это время аудитория переваривает, возможно, какие-то новые для нее смыслы. Как-то Эвальд Васильевич Ильенков, его старший товарищ, даже по этому поводу поиронизировал: «Ну, Вася опять как тенор выступает на сцене».

– Можете указать на какую-то наиболее важную для Вас особенность образа Василия Васильевича?

– Одна из важных его способностей – это острое ощущение единства места, времени и действия. Он в этом плане был подлинным человеком классической эпохи, эпохи просвещения. Он четко понимал, что надо делать в конкретное время, в определенном месте. И делал это. Конечно, можно сказать, что это известная мудрость. Не бойся, делай то, что нужно сейчас, а там что будет, то и будет. С точки зрения своей профессиональной деятельности, конечно, это очень важно, но прямо скажу, что не всегда это получается. Наверное, Василий Васильевич потому и выдающийся ученый, выдающийся деятель образования, потому что ему это удавалось в большей мере, чем многим из нас, я имею в виду его последователей, но это не значит, что он один был такой. Я его обычно сравниваю с Сергеем Королевым, отцом отечественной космонавтики, они чем-то похожи.

Второй очень важный вопрос для меня связан с его жизненной позицией, он все-таки работал очень дотошно, конечно, это было связано с его эпохой, с его возможностью ориентироваться на одну позицию, он был монист. Кстати, из-за этого, вот взять, например, его книгу «Теория развивающего обучения», ее с трудом читает новое поколение, потому что не владеет философией исторического и диалектического материализма, не знает марксистского выражения немецкой классической философии.

Как-то мой отец прислал научно-популярный журнал с интервью Василия Васильевича, в котором я прочел, что в нашей психологии не разработана проблематика воли. С тех пор я отслеживаю

эту тему. Кое-что об этом даже писал в некоторых моих эссе. Для меня это действительно серьезный вопрос, особенно в современной ситуации, в эпоху постмодернизма, когда воля фактически является основополагающим феноменом современной общественной жизни, в том числе и в образовании. Честно говоря, для меня загадка, почему В. В. Давыдов довольно пространно и определенно в одном интервью обозначил проблему воли как важнейшую для развития отечественной науки, тем не менее серьезно ее никогда не рассматривал, не обсуждал. Неужели дело в том, что монизм поздней немецкой классической философии не содержит в себе проблематику воли? Вроде бы нет такого. Кстати, К. Маркс реализовал ее в чисто социологическом аспекте. В философско-методологическом плане проблема воли уже была у Шопенгауэра, у оппонента Гегеля, в его знаменитой книге «Мир как представление и воля», впоследствии у Ницше, а еще у Кьеркегора, у Хайдеггера. У меня есть такое подозрение, что он не хотел этого высказывать мимоходом, одно дело – популярное интервью, а другое – серьезная академическая статья.

Я, как человек уже не той классической эпохи, могу себе позволить это сказать «мимоходом». Я даже думаю, что Василий Васильевич этого, наверное, не одобрил бы. Но, с другой стороны, мы же понимаем, что в постмодернистскую эпоху не одни мы что-то делаем, не одни мы говорим. Да? Места и мысли у всех разные, и надо об этом говорить. Ну, в общем-то, вот такая интересная складывается картина отечественной психологической жизни. Сейчас я должен четко выразить свою позицию. Во времена Василия Васильевича было много сравнимых с ним фигур. Но для меня он всё-таки занимает центральное место, и не только потому, что я общался с ним. Я вижу, что он востребован в своём жестком монизме. Видимо, в его монизме есть что-то особенное, как некий монумент, мимо не пройдешь.

Василий Васильевич постоянно развивается в моих представлениях. Осмысляя его деятельность, творчество, все время достраиваю его образ. У Василия Васильевича есть одно интересное свойство. Сейчас я говорю о нем почти как о живом человеке. Его с нами много лет уже нет, тем не менее мы постоянно обращаемся к нему, даже к тому, о чем он и не говорил. Я слышал выступления многих интересных, эрудированных людей, например М. К. Мамардашвили, В. С. Библера, читаю их труды. Но их образы как-то не претерпевают в моём сознании изменений. Когда мысли изло-

жены в сложном тексте, они в нем застывают. Вообще-то для нас с вами, для психологов, это серьезная проблема. Я давно замечаю, что то, что человек скажет, и то, что написано, – две большие разницы. В тексте позиция как бы застывает и остается, а в разговоре она живая, за счёт интонации, вот этих вот пауз, которые трудно отобразить в письменном тексте. Может быть, в паузах и интонациях В. В. Давыдова было нечто, что живет в нас до сих пор.

Еще об одном обстоятельстве я должен сказать. В. В. Давыдов придавал большое значение черновой, рутинной работе психолога-исследователя. В этом подходе к делу они были похожи с моим учителем В.А. Полуяновым. Урок изобразительного искусства – это не просто урок, надо очень много подготовить к нему разного методического материала: репродукций, методических пособий, цветной бумаги, красок и т. д., то есть проделать большую черновую работу. Я бы ее и так делал бы по поручению Юрия Александровича. Но В.В. Давыдов придал ей, если так можно выразиться, фундаментальное значение. Я теперь всегда говорю молодым психологам, что не нужно бояться много работать.

– Есть ли у Вас такие черты профессионала, позиция, которые Вы, так или иначе, связываете с Василием Васильевичем?

– Знаете, что я очень хорошо запомнил, это было его убеждение, что серьезная психологическая работа, прежде всего в области психологии и образования, возможна там, где есть систематическое образование. Там можно обнаруживать определенные фундаментальные закономерности, и в этой связи, естественно, я стремлюсь участвовать в каких-то проектах, где, так или иначе, есть систематическое обучение, где есть система. Это в значительной мере связано с позицией В.В. Давыдова. Но это не значит, что нет психологии в тех сферах общественной жизни, где систематического образования нет. Тем не менее там есть жесткие закономерности, и там действительно можно много чего обнаружить. Они связаны с теми явлениями, где человек, ну так, очень условно, что-то «высекает» в результате откровений.

Но это уже идет не от В.В. Давыдова, это несколько иные сферы, но, тем не менее, я всегда стараюсь, по крайней мере, для себя разграничивать, где развитие происходит в результате систематического обучения, а где, условно говоря, вмешиваются судьбоносные моменты нашей жизни. И естественно, если говорить о социальном значении разума или его конкретного выражения в различных формах теоретического отношения к действительности, то тео-

ретическое отношение необходимо именно в судьбоносные моменты. В эти моменты, когда нельзя действовать по правилам, по инструкции, по старому опыту, а нужно усилиями своего мышления, воображения и воли принять ответственное решение, исходя из драмы человеческих отношений, реальных общественных процессов.

Рассматривая проблемы обучения, я всегда стараюсь понять, как те или иные феномены встраиваются в общую систему образования. Как это встраивается в общую траекторию психического развития человека. И это идет от В. В. Давыдова. Другое дело, что не всегда получается.

– Какие высказывания Василия Васильевича (его теоретические идеи, жизненные позиции) стали для Вас особенно ценными, в каких обстоятельствах жизни Вы обращались к ним, вспоминали о них?

– Я бы не хотел сейчас говорить о его теоретических идеях, они и так очень хорошо известны, зачем их интерпретировать, а вот жизненные позиции очень важны. Он очень ценил живые дружеские и профессиональные связи; естественно, он постоянно их поддерживал. Например, это для всех было удивительным, Василий Васильевич не владел иностранными языками, хотя неплохо понимал, читал по-немецки. Тем не менее много международных связей отечественных психологов с зарубежными коллегами возникли именно через него – это удивительно... Вот у нас в Московском городском психолого-педагогическом университете есть аудитория В.В. Давыдова, и там на стендах много фотографий, где он с иностранными профессорами: японцем Кийоши Аmano, с итальянкой Марией Сереной Веджетти, американцами Жаком Карпеем, Майклом Коулом, Джеймсом Верчем. Однажды после заседания я провожал Василия Васильевича, и он мне сказал: «Как хорошо, что ты постоянно поддерживаешь связи с Юрием Александровичем*». Я в те времена уже в Третьяковской галерее работал, но поддерживал дружеские и профессиональные отношения с Полуяновым и вообще со всей командой развивающего обучения. И дальше он бросил сакральную фразу, я ее в первый раз публично озвучу. Он сказал: «Я вообще-то мог бы развивать свои идеи независимо от Даниила Борисовича Эльконина, и на это есть основания, но я начинал с ним, он много сделал, поэтому я всегда буду утверждать, что это наша система, дидактическая система Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, и он должен быть на первом месте». Это очень важный был для

* Юрий Александрович Полуянов.

меня момент, эта его позиция, хотя, по сути, он существенно отличался и от Даниила Борисовича и расходился со своим первым учителем П. Я. Гальпериним. Но что интересно, он никогда их практически не критиковал. Только в одной своей статье (потом эта статья вошла в его книгу «Виды обобщения в обучении») он серьезно критиковал Петра Яковлевича и Даниила Борисовича относительно их взглядов на основания исследования мышления у Жана Пиаже. П. Я. Гальперин и Д. Б. Эльконин тогда высказали мысль о том, что зря Ж. Пиаже в качестве основания для исследования мышления взял логику. Они считали, что основой психологии мышления являются чувства отношений. И Василий Васильевич им возразил. Пиаже прав, что он взял в качестве исходного основания для построения своей теории развития мышления логику, потому что в логике отражаются существенные свойства осмысления окружающей действительности, независимо от субъективного взгляда. А чувства отношений – они всегда ситуативные. В одной ситуации мы чувствуем одно, в другой – другое, мы все разные. Далее он сказал, что Пиаже не прав в том, что ориентировался на формальную логику. Формальная логика – это всего лишь часть осмысления всеобщих отношений окружающего мира. Ориентироваться надо на диалектическую логику – более полную, отражающую исторический взгляд человечества на окружающую действительность. Я об этом прочитал еще в 1974 году, и что интересно, с тех пор Василий Васильевич никогда публично не высказывал эти критические замечания в адрес своих учителей. Он как-то на заседаниях в лаборатории и один раз на конференции в Набережных Челнах, в узком кругу высказал сожаление – в третий раз в моем присутствии, что все-таки он зря когда-то ушел от Петра Яковлевича, хотя у них были определенные расхождения. Он говорил, что надо было оставаться работать с ним и продолжать дискутировать, может быть, тогда и ситуация в нашей психологической науке изменилась бы. Для него важно было, что ты можешь критиковать своих учителей, когда ты работаешь непосредственно с ними. Поэтому он отмечал те основания, на которые может опереться, и умалчивал об основаниях, которые он считал ошибочными. Вообще для меня это проблема. Потому что история европейской интеллектуальной мысли, начиная с Нового времени, основана на критике предшествующих идей. Теория автора всегда основана на критике своих учителей. Для меня этот вопрос очень серьезный, поскольку он одновременно и ценностный вопрос.

Василий Васильевич в общении с коллегами, друзьями, учениками, старшими товарищами ценил верность. Еще, что очень важно, он не был никогда злопамятным, хотя ему много и серьезно могли наговорить, и он мог возмутиться, поругаться, но потом отходил. Он отходчив был. Все мы обижаемся временами, я уж не говорю о том, что некоторые наши соотечественники обижаются на Родину. Как можно обижаться на Родину? Родину, как и родителей, ты не выбираешь. Поэтому чего обижаться-то? Какая есть, такая она и есть, так и люби ее, работай на ее благо, на будущее. Хотя Василий Васильевич мог жестко критиковать действительность, но никогда не обижался на Родину.

– Расскажите, Виктор Александрович, на кого из своих современников был больше похож Давыдов или с кем он был наиболее близок по научному мировоззрению?

– Из тех людей, кто на него похож по научному мировоззрению, у меня остался в памяти Эвальд Васильевич Ильенков – известный наш философ. Василий Васильевич в значительной мере опирался на его позиции. Знаете, у Эвальда Васильевича была трагическая жизнь. Он не выдерживал давления социальной ситуации, когда его гуманистический монистический взгляд никак не соответствовал действительности. Он, возможно, не чувствовал в себе силы или не знал, как эту действительность преобразовать. А Василий Васильевич ее преобразовал в образовании и тем самым оправдал и теоретическую позицию, и жизнь старшего друга.

Вот что интересно: через реакцию Эвальда Васильевича я воспринимаю и образ Василия Васильевича. Когда Давыдов первый раз серьезно заболел, у него был инсульт, Э. В. Ильенков очень переживал. Ю. А. Полуянов решил вывести его за город на дачу к своим друзьям, чтобы он немного расслабился. Там у Эвальда Васильевича время от времени прорывалось: «Вася, Вася, ох, что будет с тобой, Вася, Вася». Мне иногда кажется, что в этот момент Ильенков спас Давыдова. Василий Васильевич выздоровел. Полагаю, что они ощущали свое родство.

– Василий Васильевич занимался многим в своей жизни: он был редактором, преподавателем, директором, организатором науки, философом и теоретиком, а также практиком. Расскажите об этом, пожалуйста.

– Да, Василий Васильевич занимался многим. Сейчас вообще такая ситуация, мы все занимаемся многим. Мне кажется, что это был хороший урок, я тоже время от времени выполняю редактор-

ские обязанности, не только преподавательские. Скажу, что редактировать полезно, учишься писать. Я не знаю, каким он был редактором, но говорят, что блестящим.

Понятно, он был организатором науки. Вот это был организатор от Бога. То, что он был философом, теоретиком – об этом много написано. Он чувствовал теоретический смысл практической работы, отсюда его особое ощущение единства теории и практики.

Вспоминаю такой случай на конференции в Набережных Челнах. Я сделал небольшой доклад по предметной диагностике теоретического мышления у младших школьников. Он внимательно слушал, задавал вопросы, а потом, уже после заседания, говорит: «Слушай, Виктор, каждая серьезная тема в курсе математики должна быть обеспечена своей предметной диагностикой развития у учащихся основ теоретического мышления. Ты представляешь, какая грандиозная перед нами стоит задача? Это задача одновременно и научная, и практическая. Приезжай ко мне в Академию, мы с тобой поговорим». Я приехал, он мне рассказал о своем плане – книге по диагностике учебной деятельности. Именно в аспекте предметной диагностики основ теоретического мышления. Но этот проект он уже не смог осуществить.

Он очень любил ходить на уроки, чаще молчал, осмысливал. Реальность практики была основанием его теоретических размышлений. Он часто повторял, что наши исследования будут иметь смысл только в том случае, если их результаты станут основанием каждодневной работы учителя.

– *А как Давыдов относился к карьере?*

– Он считал, что нельзя долго задерживаться в своем профессиональном состоянии, это «недоразвитие». Надо двигаться вперед. Спокойно относился к карьерному росту своих учеников. Вообще он считал, что это нормально. Человек хочет расти. Если в данной организации нет подходящей работы, то надо найти другое место. Он и не стремился держать всех вокруг себя. Когда я перешел работать в Третьяковскую галерею – старшим научным сотрудником, он отнесся к этому вполне благосклонно. Я тогда поступил в отдел музейной педагогики. Но при этом он невзначай мне сказал: «В музее нет систематического образования, потому там нельзя заниматься серьезной наукой». Он был скептик в этом плане, и он был прав, музей не призван давать систематическое образование своим посетителям. Музей – элемент художественной жизни. Поэтому я старался не порывать с фундаментальной психологиче-

ской наукой, постоянно участвовал в конференциях по проблемам развивающего обучения.

– Как, на Ваш взгляд, отнесся бы Василий Васильевич к современным реформам в школьном и высшем образовании? Что бы он приветствовал в первую очередь, о чем бы больше всего беспокоился и от чего бы предостерегал современных реформаторов?

– Некоторые из последователей Василия Васильевича сейчас к реформам современного образования относятся критически, я бы даже сказал, злобно. Трудно сказать, как бы он отнёсся. Вообще он был человеком очень вспыльчивым, но в нужные моменты умел проявлять чудеса политкорректности. Начнём с ФГОС. ФГОС общего образования фактически положили начало реформированию всей системы начального образования на основе идей В. В. Давыдова. Может и плохо, что не ученики В. В. Давыдова участвовали в разработке ФГОСа, а коллеги, которые опирались на сумму исследований в отечественной психологии и педагогике и выдвинули эту идею о предметных, метапредметных и личностных образовательных результатах. Идею об образовательных достижениях через овладение универсальными учебными действиями они связывали с более широким научным контекстом, конечно, соотносили с деятельностным подходом. Поэтому могу предположить, что, по крайней мере, с ходу он это не отверг бы. Другое дело, что формулировки, конечно, его, наверное, мало бы удовлетворили, он бы более тщательно работал с формулировками. Если бы он был жив в то время, когда это разрабатывалось, он бы своим влиянием существенно изменил эту редакцию ФГОС. Так можно предположить.

Что касается высшего образования, здесь сложнее. В моём присутствии он только один раз высказался, как надо строить высшее образование. Он говорил о том, что в вузе преподаватель должен учить студентов тому, что умеет делать сам. Хирург умеет оперировать – вот он должен учить этому. Нельзя, чтобы тот, кто сам этого делать не умеет, преподавал соответствующие дисциплины. Если говорить о принципах организации современного образования, особенно на уровне магистратуры, то она так и построена фактически. Магистратура узко направлена, и в ней формируют соответствующие компетенции специалисты, которые сами занимаются конкретным делом. Есть требование: руководитель магистерской программы должен быть специалистом в этой сфере. И один из критериев – у него должны быть «ВАКовские» публикации по данной проблеме и т. д. ... Я думаю, что в целом он бы вполне мог поддержать

это направление, естественно, критикуя по сути дела, т. е. не отвергал бы с ходу. Думаю, что у ряда коллег будет свой взгляд на этот счёт, но это моё видение. От чего бы он предостерег современных реформаторов? Знаете, он был не из тех, кто предостерегал бы, он вообще никогда ни от чего не предостерегал. Я, честно говоря, не помню случаев, чтобы он кого-то предостерегал. Он всегда что-либо предлагал, или, если не мог предложить, говорил: «Делай, может что-то получится». Это очень важно.

– Если бы у Вас сейчас была возможность обсуждать современное состояние развития теории учебной деятельности, то по какой проблеме Вы бы хотели с ним проконсультироваться? На какой вопрос хотели бы получить ответ?

– Вы знаете, как ни странно, хотя вы и молчите, я ощущаю, что на самом деле я с вами беседую. Тем более, здесь как-то незримо присутствует и Василий Васильевич. Я уже об этом говорил: это, конечно, проблема воли. Что такое воля в учебной деятельности, что такое волевое действие? С моей точки зрения, это важнейший вопрос и для нашей психологии, прежде всего, для теории деятельности, для культурно-исторической психологии. В современной ситуации, в так называемую в постмодернистскую эпоху, воля является фактически стержневым элементом всей нашей общественной жизни. Кто-то может проявить волю, а кто-то не может, впадает в различного рода иллюзии, в злобу. Злоба – это не есть проявление воли, воля – это есть то, что выражено в твёрдости позиции, воля – не в критиканстве, ещё раз обращаю внимание, а в твёрдости позиции. И далее: воля реализуется не в словах, а в действии, отсюда очень важный момент воли – говорить, что думаешь, и делать, что говоришь. Так вот, не случилось у меня с Василием Васильевичем обсудить проблему воли. Пообсуждать хотелось бы, а консультироваться – нет. Невозможно проконсультироваться. Пообсуждать можно в воображении. Но в воображении нельзя у человека проконсультироваться, потому что нужно получить конкретный ответ, а кто его даст? Понимаете, вот в этом чисто психологическая тонкость, в воображении можно иметь собеседника, а консультанта нет в воображении. Он может быть только здесь, рядом, перед тобой, он тебе что-то конкретно советует. Ну разве только в мистическом плане? Но это уже другое. Хотя, я думаю, это возможно. Мой коллега, красноярский профессор, Виктор Георгиевич Васильев, думаю, не обидится на меня, если я расскажу мистический случай, который с ним произошёл четыре года назад. Вызы-

вает его к себе ректор Сибирского федерального университета и говорит: «Виктор Георгиевич, давайте наберём студентов-бакалавров, будущих учителей начальной школы по технологии развивающего обучения». Виктор Георгиевич не хотел этим заниматься и попросил денёк на размышление, с твёрдым намерением прийти и отказать. И ночью ему приснилось, что он попал на небо, там его встречает В. В. Давыдов и спрашивает: «Виктор, что ты сделал для развивающего обучения?». Виктор Георгиевич проснулся, пошёл к ректору и согласился. В этом году он уже подготовил первый выпуск учителей начальных классов для работы по технологии развивающего обучения, вот так вот. Ну, здесь трудно сказать, была ли это консультация...

4.4. ИНТЕРВЬЮ С В.С. ЛАЗАРЕВЫМ*

Валерий Семенович ЛАЗАРЕВ

Доктор психологических наук, профессор.

Академик РАО.

Главный научный сотрудник Психологического института РАО.

Ведущий специалист в области стратегии развития образования и психологии управления.

– Расскажите, Валерий Семенович, какие этапы, события Вашей жизни и профессиональной деятельности связаны с именем Василия Васильевича?

– С Василием Васильевичем связаны более 40 лет моей жизни. Я пришел работать в Институт общей и педагогической психологии АПН СССР в 1975 году. В. В. Давыдов в то время был его директором. По образованию я не был психологом. Вуз я закончил по спе-

* Интервьюеры – Виктория Морозова, Алина Орлова – магистранты ФГБОУ ВО «ВГСПУ».